

Виктор Мишин

СОЛДАТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М17

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 114

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

М17 Мишин, Виктор

Солдат: роман / Виктор Мишин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-982418-3

Александр Иванов приходит в себя в медицинском обозе. Вокруг множество раненых в старой форме Красной Армии. Вопросы: что, где и когда — сразу отпадают.

Да, это СССР образца сорок второго года. Решение Александра простое — он хочет воевать против гитлеровской Германии как обычный солдат, вместе с предками.

Выйдя из окружения под Харьковом, Александр сумел остаться в действующей армии, и в сентябре 1942 года оказывается в городе на Волге, во время самых жестоких боев. Как поведет себя мужчина двадцать первого века? Сможет ли принять действительность такой, какая она есть, и встать плечом к плечу с дедами? Или побежит в Москву с криками, что он все знает?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-982418-3

© Виктор Мишин, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ЗАЩИТНИК СТАЛИНГРАДА

Там, возле здания Госбанка,
Там, через площадь Января
Под ливнем пуль ты не сгибался,
Ты шел упрямо на врага.

Там, где Курган сейчас зеленый
И Монумент большой стоит.
Там красным было все от крови,
Друзей на нем ты хоронил.

Там падал в грязь и снег лицом,
И бил штыком, стрелял из автомата.
Ты мир принес нам в каждый дом,
Ведь ты — защитник Сталинграда!

«А-а-а! Вашу в транспорт. Какого хрена. Что со мной, а-а, сейчас сдохну. Блин, башка, наверное, лопнет сейчас. Что так гремит-то? Кто орет?»

— Синицын, чего с ним?

— Так танк взорвался рядом, товарищ лейтенант. Он рядом с той копной лежал, где Федоренко спрятался. Как его осколками не посекло, вообще непонятно. Там куда чего летело, в него ни хрена не попало.

— Отставить словоблудие, тащите его к санитарам. Пусть глянут, у нас бойцов почти не осталось, а он вроде не раненный, пусть посмотрят — живой или нет?

— Ясно, товарищ командир.

Какие в дупу командиры, товарищи? И блин, зачем они так орут? — я сжался в комок, но распрямился почти сразу и резко. Рвало меня, наверное, целую вечность.

«Кто я?» «Где я?» «На хрена я?»

Сколько прошло времени, не знаю. Меня постоянно куда-то волокли, лишь вздохнул свободно, когда ночью на что-то положили, после этого была лишь легкая тряска. Вот же ж какая засада, что же со мной все-таки? Ехал вроде на машине, куда...

нет, не помню, очнулся — грохот и боль в голове. Люди какие-то странные вокруг. Кричат, ругаются, немцев матом кроют... так, стоп, походу, приехали. Точнее, я и приехал. Маму вашу в транспорт, в общественный. Я что, гребаным попаданцем заделался? Ё!.. Так, что-то тот, которого называли Синицыным, говорил про взрыв. Танк рядом со мной подбили, а меня не задело, голова раскалывается, наверное, контузия. Черт, а болит и правда очень сильно. Значит, буду считать, что я именно «попал». Причем туда, куда давно мечтал, не, ну а что?

Зовут меня Александром, фамилия моя, ага, самая что ни на есть русская, Иванов я. Мне двадцать восемь лет, в прошлой теперь уже жизни просто жил, не выделяясь и не мешая другим.

Сколько в той жизни сталкивался с людьми, мечтающими об Отечественной войне? Да очень часто. В том мире, мире без войны и особых проблем, люди жаждали приключений. По телевизору, в Интернете, одна сплошная фигня, прошу прощения — толерантность. Смартфоны-покемоны, Дом-2 или 5, не знаю, как правильно, какой по счету. Фильмов хороших нет, музыки нет, работы тоже почти нет, зато есть санкции и кризис. Последнее вообще штука заразная оказалась. На работе делаем то же, что и раньше, в тех же объемах, почти с неизменными ценами, а зарплата каждый месяц все меньше. Начальство в ответ на вопрос отвечает просто — а чего ж вы хотите-то, кризис в стране. Хоть смейся, хоть плачь.

Опять где-то что-то рвануло, значит, все-таки война. Веселуха, конечно, сомнительная, но что-

то мне подсказывает, что мое место именно тут. Столько раз задумывался, а смог бы жить в эпоху Сталина, Берии и других членов группировки КПСС? А вот и посмотрим, если не грохнут, пока не встану на ноги, потом уж я постараюсь выжить. Что делать, пока не знаю, но здесь я задержусь. Я обычный русский мужик из средней полосы России. Никаких особых знаний или умений. Есть, правда, одно «но», читать люблю и делаю это с удовольствием. Работал на производстве, во время работы восемь часов в наушниках слушаю аудиокниги, вечером и в выходные читаю с экрана. Слышал частенько, как люди выделываются: читаю только на бумаге, настоящая книга только в бумаге. Ну а я попроще, читаю со смарта, с планшета, с ноута, да по хрену с чего, была бы книга интересной. Так вот, увлекся слегка, благодаря чтению имею неслабый багаж знаний, да, теория, но практика штука наживная. Знания, конечно, далеко не профессорские, но и не детский сад. Знаю многое, не раз друзья и знакомые удивлялись: откуда ты столько знаешь? Часто приходили за советом. Хотя, если честно, советы давать не люблю, считаю, что спрашивают совета для того, чтобы ему не следовать.

Двое суток мы едем куда-то на восток, определяю по встающему утром солнцу. Везут меня и еще четверых на телеге. Пробовал скосить глаза, разглядел только соседей справа и слева, те в кровище лежат, хоть и замотанные, как мумии, даже как-то стыдно. У меня уже и руки стали работать, но как

будто не мои. Пытаюсь сжать кулак, а пальцы лишь скрючиваются, как у калеки. Ноги просто гудят, встать не пробовал, да и никак. В повозке встанешь, тут и свалишься. Постоянно люблю только на конский хвост и на то, что периодически из-под этого хвоста валится, а вонища-то какая! Да, изнежен чересчур человек из двадцать первого века. Что мы знаем там об этой войне? Как драпали сначала, потом «научились» наконец воевать, и айда, в Гейропу. Страшный сон бесноватого воплощать в реальность, баба рулит Германией, а коренных немцев в три раза меньше, чем турок! А война она вон какая, грязища, звиздец, не представляю, как тут вообще передвигаться можно. Бойцы, что идут вокруг нескольких телег с ранеными, просто тонут в грязи. Постоянно вижу и слышу, как, чертыхаясь, падает то один, то другой. Дождь только кончился, пару часов всего прошло, тучи не расходятся, может полить в любой момент. Лесов здесь нет, сплошные поля, не ровные, чувствую, как телега то вверх идет в гору, то чуть ускоряется, на спуске. По разговорам улавливаю суть, мы опять отступаем. Дали нам транды по-хорошему, вот и драпаем, узнать бы хоть, какой год-то сейчас.

Откуда-то появился нарастающий гул, непонятно на что похожий, но все как-то засуетились. Слух вроде приходит в норму, разговоры над головой не воспринимаются ором, поэтому прислушиваюсь.

— Воздух! — Как призывно-то, какой воздух?

Вокруг слышалась возня и редкие команды. Чуть поднимаю голову и вижу, как вся толпа, что шла с обозом, прыснула в разные стороны. Возни-

ца подстегивает старую клячу, что тянет нашу телегу, кнутом, и тут раздался он... Вой с неба был настолько громким и противным, что шея невольно втянулась в плечи. Так вот что такое «лаптежник», заходящий на бомбометание, бляха, страшно-то как... Перевалился через борт телеги прямо на ходу. Больно ударившись о землю, загребая руками и ногами, отползаю в сторону. В нескольких метрах виднелась расщелина, может овражек небольшой, туда я и двинул. От разрыва первой бомбы меня подкинуло на полметра. Грохнувшись, попытался оглядеться, но боясь не успеть доползти, бросил это занятие. Вот она, спасительная расщелина. Утрамбовался так, что не вижу ни хрена вокруг, в глазах песок, во рту грязь. Тьфу ты, хрен отплюешься теперь. Между тем грохот и взрывы продолжались, землю трясло так, что та передавала часть энергии взрывов на меня. Боль не такая, что не вынести, но приятного мало. Земля, казалось, летела отовсюду, даже горизонтально. Когда вокруг стихло, я не заметил, видимо опять отключался. Выполз из ямы, когда уже смеркалось. Вокруг была небольшая суета, соскребали убитых, перевязывали недобитых. С грустью отметил, что телег у нас больше нет. Разглядев бывшего возницу с «моей» телеги, поковылял к нему.

— Бать, есть закурить, — спросил первое, что пришло в голову.

— Держи, только спичек нет, — не поднимая головы, ответил водитель кобылы. Взяв у него кисет, развязал тесемку и заглянул внутрь. Хорошо, даже бумага заготовлена. Свернул «ножку» и закурил.

Спички я давно в кармане нашел, а вот кисета не было, жить — хорошо!

— Дай «добью», — обратился возница. Я протянул ему с начала его же кисет, сделав пару затяжек, передал и самокрутку. Боец глубоко затянулся и крикнул от удовольствия.

— Хорошо пошла, — констатировал он.

— Точно. Куда идем-то, известно? — решил забросить удочку я.

— Теперь уж и не знаю, куда пойдем. Убило при бомбежке и командира, и старшину. Шли на восток.

— Понятно, что не на запад. Где мы хоть примерно-то, ни хрена не помню, что случилось. Очухался у тебя в повозке.

— Так Дон где-то недалеко на северо-восток. А приложило тебя еще под Лозовой. — Черт, ни фи́га не ясно, может, как сорок первый быть, так и сорок второй.

— Дед, а бумаги нет? А то неудобно курево у тебя «стрелять» постоянно, так хоть бумага своя будет. Разбогатею — отдам.

— Вон полстранички от газеты осталось, бери, табаку-то отсыпать?

— Спасибо. И так как попрошайка. Табак-то, может, у кого найду, а вот с бумагой труднее.

— Это точно, — кивнул возница и отдал мне газету. Меня интересовала только дата вверху. 21 мая 1942 года, вот так, значит, вышли из котла под Барвенково, ну хоть что-то теперь знаю. Неизвестно, сколько мы тут болтаемся, но думаю, что сейчас июнь, а может и июль, жарко уж больно.

Если и правда уже второй месяц лета, то фрицы сейчас будут жать нас за Дон и сразу двинут к Волге. Если раньше не хлопнут, значит, могу встретить своего деда в городе на Волге. Шучу, конечно, где я тут его встречу. Да и в госпиталь он попадет скоро, с первым ранением. А меня, наверное, с остатками роты, в которую я «попал», отправят на переформирование. Ну, это в идеале, конечно, скорее просто вольют в какую-нибудь часть, да и все. Возница сказал, что от роты осталось двенадцать человек. Теперь вот еще и оставшихся командиров выбило.

Так, рассуждая, я бродил среди убитых под бомбежкой. Пару раз рвало, даже не знаю и чем, ел-то последний раз, не знаю и когда. Блевал от вида растерзанных тел. После бомбежки вокруг одни фрагменты. От лейтехи вон одну изуродованную голову опознали с частью груди и левой рукой, где остальное — фиг его знает. Старшине вот повезло, целым похоронили, осколок в грудь, как санитар сказал: «Прямо в сердце, умер сразу».

Погибших похоронили по-человечески, в стороне от полевой дороги. Разве что без гробов и сапогов. Отступали мы сборной солянкой, из трех разных частей были бойцы. Всего от бомбежки погибло восемнадцать человек, раненых куча, а таких как я, целых, всего трое. Нашел себе винтовку, патроны. Патроны были в подсумках на ремне, а сам ремень валялся просто на земле, чей он — неизвестно. Нашел сидор, в нем портянки, дойдем до воды, надо простирнуть. Фляжку ранее взял из кучи, что набралась после похорон павших. В сидоре был кiset, и в нем даже осталось немного

табака. Каску взял, нашел неплохой перочинный ножик, вот в принципе и всё. Хотел еще наган взять, видно от лейтехы остался, так он с поврежденным стволом оказался. Вообще, такое впечатление было, что бомба прямо в командира попала, надо же так разорвать...

Ужас и страх царил в глазах этих голодных людей, что пережили сначала разгром на позициях, а теперь вынужденыдохнуть под бомбами. Брошены, именно брошены на произвол судьбы. Не пойдешь — дезертиром обзовут, придешь — трусом. Разговоры вокруг разные, я больше отмалчиваюсь, не больно хочется выдавать свое незнание реалий. Про людей говорю, а у самого наверняка такой же видок. Да, страшно, очень страшно, никогда не забуду ни трупы бойцов, ни звуки бомбежки. Не передать словами весь тот ужас, что царил вокруг. Понимаю, что скорее всего я еще нагляжусь на такое, а может, и похлеще что будет. Это еще хорошо, что сам-то целый, хоть и пришибленный.

Последний дождь был позавчера, а по полю мимо нас ветерок уже гонял пыльные шары. Ну, хоть грязища просохла, уже плюс. Пыль клубится под ногами, скрипит на зубах, голова чешется, да вообще все тело зудит. Да знаю я, что такое вши, знаю. Просто из двадцать первого века в эту грязь и антисанитарию, понятно, что война и все такое, естественно, привыкну, куда деваться-то. Но пока еще с трудом преодолеваю себя, заставляя вживаться в образ.

Портянки в стоптанных сапогах постоянно сбиваются, после трех остановок на перемотку, уже

лень снова останавливаться, а все-таки надо, а то собью ноги, будет вообще жопа, идти-то еще хрен знает сколько.

Интересно было, когда при осмотре «своего» тела обнаружил, что оно здорово похоже на мое собственное, из той жизни. Глянул в красноармейскую книжку, увидел, что возраст почти совпадает, двадцать пять мне нынешнему. Нет только моих шрамов, ну и там, ниже пояса, но выше колен, немного другое. Памяти того, чье тело я занял, не обнаружил, будут еще с этим проблемы. В реалиях этого времени я ни бум-бум. Одно дело читать про эти времена, совсем другое здесь находиться. У местных в подкорку вбита приверженность курсу партии, а у меня что? Ладно, фиг с ним, надоело «гонять», будем жить, а как, это второй вопрос.

Идти надоело до жути. По пути попадаются еще не опустевшие деревеньки, но жратвы нигде нет, люди сами последнюю брюкву доедают. Бредем как бараны, куда, сколько еще и зачем, неизвестно. Конечно, цель-то одна, немец к Волге идет, тормозить пора, но нас тут всего взвод. Да, а сколько сейчас таких взводов так же, как и мы, пробираются на соединение? Многие побросали свою амуницию, кто-то даже винтовки выбросил, я не влезал до поры, но когда началась первая истерика, пришлось зубы показать. Особо выделяться не стали, винтовка у меня у одного заряжена, как бы ни тяжело было, но я ее упорно тащу, чую, хлебнут лиха те, кто бросил оружие.

Подобранная мной после бомбежки винтовка оказалась вполне исправной. Ложе чуть по-